

— Многие считают, что четыре из девяти государей, которые понимают, что после объединения стран ими надо ещё управлять, уже являются мудрыми и понимающими общее положение, однако я думаю, что для того, чтобы стать хозяином Поднебесной, такой небольшой осведомлённости недостаточно, — сменил тему разговора Ле Чжунлю и, глядя на молодые побеги деревьев, замолк.

— То... — Фэн Мин, обернувшись, посмотрел на Жун Тяня, после чего вновь перевёл взгляд на Ле Чжунлю и с готовностью внимать советам проговорил: — То есть, по мнению министра, кто тогда является дальновидным императором?

Ле Чжунлю очень долго хранил молчание. Спустя долгое время мужчина наконец проговорил:

— Поездка князя Мина по всем странам действительно опасна, даже я не смею поручиться, что князь Мин не столкнётся с какими-либо серьёзными событиями. Но если князь Мин так не сделает, то мои идеальные планы из-за него не претворятся в жизнь. Князь Мин не сыграет свою роль, и в конце концов мои умения, которые способны объединить Поднебесную, ослабнут, а разговоры об управлении всем миром останутся пустыми словами, и только.

Этот мужчина мыслил подобно небесному скакуну, что мчался по воздуху[1]: совсем недавно упомянув, что хозяину Поднебесной нужно обладать знаниями, и вдруг ни с того ни с сего заявив, что Фэн Мину стоит объездить все страны, тем самым поверг собеседника в недоумение.

К счастью, все уже имели о нём некоторое представление и понимали его замыслы, которые лишь казались произвольными действиями, а на самом деле несли в себе сакральный смысл, поэтому спокойно ожидали, что же он скажет дальше.

Будучи крайне смышлённым, Фэн Мин задал Ле Чжунлю вопрос:

— Какая связь между поездкой по странам и дальновидностью, о которой только что говорил министр? Может, министр сначала ясно расскажет про управление всей Поднебесной и заполучение мира? — Не стоило винить князя за короткий ум.

Ведь на самом деле разум Ле Чжунлю был слишком сложным, мужчина мог «наматывать несколько кругов» в разговоре, а бедный мозг князя мало того, что был менее гибким, так ещё не способен «наматывать кругов восемь-десять» в разговоре.

— Управлять миром сложнее, чем заполучить, надеюсь, это князь Мин и император Силэй прекрасно понимают. — Ле Чжунлю блёкло добавил: — Но прежде чем объединить и править миром, нужно тщательно подготовиться. Государь и князь Мин ведь думали об этом?

Все вздрогнули, а император Силэй с крайней серьёзностью стал слушать.

— Каждый понимает, что военная смута непременно ввергнет народ в пучину бедствий. На самом деле большие тяготы затронут не только народ, но и всю природу. Столетняя суть одиннадцати государств разрушится за один день. Различные древние книги, военное дело, врачевание, этикет и музыка, народные редкие книги и вся дошедшая до наших дней культура по большей части исчезнет в огне войны, такое не редкость, но огорчению не будет конца.

Ле Чжунлю сейчас не был таким серьёзно-упрямым, как недавно в гостинной, и, даря ощущение, подобное глотку свежего воздуха[2], мягко, словно рассказывая истории, медленно проговорил:

— Например, в Бэйци есть человек по имени Сунь Мэн — знаток по выращиванию зерна. Всю жизнь он тщательно изучал почву и как с ней взаимодействуют семена, разное время, разная погода, в какую почву что сажать, и везде со своим расчётом. По слухам, у него урожая зерна в шестьдесят-семьдесят раз больше, чем у других земледельцев.

— М-м...

Сунь Мэн — это имя Ле-эр уже слышал, когда тайно следовал за Жун Тянем в Бэйци, потому хотел было поддержать разговор:

— Я тоже знаю этого человека... — но, внезапно вспомнив, что нельзя говорить, тотчас же закрыл ладонями рот, проглатывая слова.

— Этот человек, ничем не отличающийся от других людей, в великой борьбе за мир, встретившись с солдатами, тотчас же погибнет. Однако в умиротворённой Поднебесной этот человек всё же редкий талант. Князь Мин может представить, что если этот человек выживет или его отточенный навык посева сохранить и перенести на бумагу, а после обучить других, то после объединения стран в каждой семье зерна будет в шестьдесят-семьдесят раз больше, чем сейчас, а это крайне важный вопрос. — Когда Ле Чжунлю закончил говорить, они уже обошли вокруг водоёма и вернулись в сад с декоративными горами, и, остановившись, министр посмотрел на рядом идущего князя.

— Я понял... — внезапно до Фэн Мина дошло. — Министр хочет, чтобы я, объехав все страны, собрал всех талантливых людей, чтобы в будущем, когда объединим Поднебесную, каждому передать их навыки?

Тёплые чувства охватили сердце.

Ле Чжунлю, являясь достойным человеком, высоко смотрел, далеко видел[3], такие люди попадались крайне редко, его уникальность заключалась не только в ценности войск и объединении мира, но ещё в придании огромного значения мировой культуре.

Объединить страны и править ими — это не только кормить досыта народ. У великого императора должна быть великая культура.

Классические книги, поэзия, этикет, песни и ещё множество видов народного искусства — как можно было позволить этой чудесной культуре, рождённой кровью и вдохновением многих поколений, исчезнуть в безжалостном пламени войны?

— Не только. Я хочу, чтобы князь Мин объехал все страны с тремя поручениями, надеюсь, что Вы сможете справиться. — Ле Чжунлю обернулся и, взглянув на стоящего напротив князя, показал три пальца и начал перечислять: — Во-первых, хочу, чтобы князь Мин, находясь во всех странах, вдоволь собрал разные старинные книги и записи о народном искусстве, либо песни, либо живопись. Старинных источников не так уж и много, ну а после великой битвы, боюсь, их и вовсе будет не найти. Если будут другие таящие в себе талант люди, князю Мину стоит нанять их за деньги и попросить их написать уникальные книги, передавая мастерство на будущее.

— Угу, я понял, — и Фэн Мин закивал.

Такой современный человек, как Фэн Мин, не только одобрил предложение Ле Чжунлю, но и крайне восхитился им.

В те годы, когда разразилась вторая мировая война[4], разве США первым делом не отправились по другим странам собирать учёных деятелей и деятелей искусства?

Наука — это мощь, искусство — источник энергии.

В дальнейшем США, заполучив науку и искусство, развило их до значительных масштабов и стало мировой державой, а этот мудрый и до крайности дальновидный план действительно стал одним из ключевых факторов.

— Во-вторых, — мужчина загнул следующий палец, продолжив, — прошу князя Мина воспользоваться случаем и ради императора распространить приказ о «Равной милости». Что касается того, как его распространить, то тут князь Мин должен решить сам.

— Мгм, — Фэн Мин кивнул и стал почесывать затылок. — Должен решить сам... — И замолчал, так как не был знатоком дел государственной важности. Но этот второй пункт он, князь, очень хорошо понимал.

Цель так называемого распространения указа о «Равной милости» заключалась в том, чтобы пропасть между знатью и народом из других стран стала ещё больше. Естественно, никто не хотел рождаться слугой для какого-либо господина. Если в других странах «Равную милость» признает большинство, то не желающий угнетений человек, вполне возможно, что из-за справедливости данного указа захочет последовать за Жун Тянем.

Когда в других странах протекают скрытые воды, невидимые с берега[5], стоит лишь Жун Тяню развернуть флаг Силэй, и, кто знает, возможно, историческое событие, когда «мир откликнулся на восстание»[6], вновь повторится.

— В-третьих...

Почувствовав, что ладонь слегка стиснули, Фэн Мин поднял взгляд, как раз встречаясь со взором тёмных глаз Жун Тяня. На лице знаменитого императора Силэй можно было увидеть лёгкое беспокойство, которое крайне редко украшало лик молодого мужчины, казалось, государь хотел что-то сказать, но вспомнив об обещании, только что данном Вэй Цюнян, он изменился в лице и немного встревожился.

Поняв его мысли, князь прошептал:

— Ты сначала министра выслушай до конца.

— Самое важное: я хочу, чтобы князь Мин, воспользовавшись случаем, заявил миру, что находящийся с императором князь Мин может самостоятельно справиться с тем или иным делом, что у него хватит сил взять на себя огромную ответственность и решить важнейшие проблемы людей, а не являться лишь слугой императора Силэй.

Когда Ле Чжунлю сказал это, Фэн Мин тотчас же замер на месте. На этот раз эти слова проникли в душу, принося тоску и страдания, которые никак не исчезали. Словно Ле Чжунлю внезапно пронзил уже давно скрытый внутри гнойник, выпуская боль и в то же время изумительное удовольствие.

Державший его за руку Жун Тянь тоже слегка вздрогнул, знаменая, что даже император Силэй переживал душевные потрясения.

— Хоть князь Мин таит в себе выдающиеся таланты и уже когда-то выдвинул предложение насчёт террасирования полей на благо страны и народа, вплоть до того, что даже в Боцзянь и в столице Дунфань проявил свою мощь, однако, прошу простить Ле Чжунлю за прямоту, в глазах народа Поднебесной Вы, князь Мин, по-прежнему вещь, принадлежащая императору Силэй, не более. А приказ построить террасы и водяное колесо, который предложил князь Мин, всё же отдал император Силэй, и лишь от него зависит развитие всей страны; что касается Боцзянь и Дунфань, то князь Мин почти всегда являлся их заложником, а император Силэй отправлялся его спасать, выдвигая войска страны. — Бросив взгляд на Фэн Мина, словно пряча иглу в шёлковых оческах[7], острый на язык Ле Чжунлю с мягкостью медленно добавил: — Позвольте спросить: может ли князь Мин, немало повидавший и получивший какой-никакой опыт, показать народу Поднебесной, что является смелым и решительным, твёрдым и мудрым человеком?

Этот вопрос действительно являлся словно кровью с первого укола[8]. Под пристальным взглядом мужчины Фэн Мин вспомнил, как государства хватили и похищали его, словно кто-то, задумав поймать мышь, тотчас же это делал, и ему стало крайне неловко от подобных мыслей.

Вот только такой прямолинейный человек, как он, разозлился от смущения и, краснея, честно сказал:

— Не смогу.

— Князь Мин хочет выполнить задачу своими силами, может ради императора развеять горе и решить все трудности людей? — ещё мягче спросил Ле Чжунлю.

— Хочу, — князь с силой кивнул.

— Хотите стать взрослее, нужно пережить ветер и дождь[9]. Князь Мин готов к нечто подобному?

— Готов, — ещё сильнее закивал князь.

Жун Тянь больше не мог терпеть, выпустив из груди долгий вздох.

Мысли императора сходились с мыслями князя, и, крепко обхватив широкую ладонь, Фэн Мин обернулся посмотреть на молодого мужчину, после чего настойчивый юноша с надеждой умоляюще проговорил:

— Я правда должен хоть разок, но отправиться в кругосветное путешествие, ты же не возражаешь?

Но Жун Тянь не ответил, лишь сильнее нахмурился.

— Я так или иначе... являюсь князем Мином из Силэй...

Все напряглись, Цю Лань и две стоящие сзади служанки, сжав платочки в ладонях, переживали, что Жун Тянь кивнет, но в то же время они переживали, что император покачает головой.

Если согласится, то князь Мин неотвратно отправится в путешествие, а если откажет, то неужели император думает всю жизнь защищать князя Мина, держа подле себя? А князю придётся, став наложницей, томиться в стенах дворца, как содержанке?!

Этот министр поставил действительно дилемму.

— Жун Тянь...

Глубоким взглядом поглядев на любимого, Жун Тянь проговорил спустя долгое молчание:

— Первые два довода ещё куда ни шли, но услышав третий, я солгу, сказав, что не переживаю. Если даже я воспротивлюсь и не позволю подготовиться к путешествию, то только расстрою

тебя. Ну, кто сможет выдержать, видя каждый день твоё милое личико опечаленным? — В этих словах не прозвучало слово «нет».

Отчего глаза князя тотчас же загорелись:

— То есть ты не против меня отпустить?

На что Жун Тянь с горькой улыбкой спросил в ответ:

— Как я могу сказать «нет»?

Крикнув с восторгом, Фэн Мин светло улыбнулся и, словно ребёнок, запрыгал от радости, обнимая Жун Тяня.

Жун Тянь, вытянув руки, обнял воодушевлённого Фэн Мина. Посмотрев на Ле Чжунлю беспомощным и в то же время резким взглядом, молодой мужчина, качая головой, со вздохом проговорил:

— Министр, можно считать, что этот император сдаётся Вам.

Ни на волос не возгордившись, Ле Чжунлю блёкло спросил:

— Государь не собирается забрать свои слова обратно?

— Этот император разве способен на подобное? — Вздохнув, государь с серьёзностью добавил:
— Но министр должен запомнить, что именно Вы толкаете Фэн Мина в эту авантюру и Вы берёте на себя ответственность, что в будущем он в целости и сохранности вернётся к этому императору. Но одна малейшая ошибка, и этот император Вас не пощадит.

— Понял. — Ле Чжунлю поклонился и без высокомерия и заискивания сказал: — Я сделаю всё возможное.

Жун Тянь изумился. Он даже не думал, что выглядит настолько сурово, заставляя Ле Чжунлю в ответ дать обещание.

Молодой мужчина на самом деле очень нравственно ведал делами, и раз уж ему удалось смириться с тем, что Фэн Мин идёт на риск, отправляясь в путешествие, Жун Тянь больше не придерживался своего мнения, наоборот, император Силэй, пристально посмотрев на Ле Чжунлю, многозначительно проговорил:

— Тогда этот император надеется, что господин министр действительно сделает всё

возможное.

Яркое солнце, светящее высоко в небе, отражалось в изумрудном водоёме, а бабочки летали, ласточки пели, где-то под карнизом.

Впервые возглавленное Ле Чжунлю совещание наконец-то издало последний удар. После окончания все разошлись заниматься своими обязанностями.

Жун Тянь и Фэн Мин, взяв с собой Жун Ху, Ле-эра, Цзы Яня и других слуг, отправились в резиденцию главнокомандующего, а вот расчётливый главный махинатор — Ле Чжунлю — после окончания совета сразу же исчез, так как у него было ещё много различных дел.

Лишь Цянь Линю, отвечающему за защиту Юэчжун, не нужно было готовиться к отъезду, наоборот, пока не подворачивалось никаких важных дел, он отправился осматривать оборонные укрепления города. Шагнув за ворота во двор, мужчина резко обернулся и, увидев идущую по тому же пути Вэй Цюнян, спешно остановился, почтенно говоря:

— Наставник.

На что очаровательная Вэй Цюнян, к сожалению, крайне не весёлая, слегка кивнула Цянь Линю и блёкло спросила:

— Идёшь осматривать оборонные укрепления?

— Верно.

— Очень хорошо, я тоже решила пойти прогуляться, нам по пути. — И два человека — помощник полководца и генерал Силэй — вместе отправились по делам.

Из-за того, что Вэй Цюнян являлась его наставником, Цянь Линь был вынужден придерживаться этикета ученика-последователя и, отстав на полшага, осторожно последовал за помощником полководца. Сама же Вэй Цюнян, будучи не только наставником, но ещё и женщиной, хранила молчание, Цянь Линь, в свою очередь, также был несговорчив, в итоге двое человек друг за другом прошли половину улицы в неловкой атмосфере, которая с каждой минутой только усугублялась.

Заскучав от тишины, Цянь Линь устремил взгляд на силуэт Вэй Цюнян. Сзади глядя на женщину, можно было отметить её утончённую фигуру, покатые плечи[10], как подобает почтенной красавице, и если бы не командирские доспехи, то действительно сложно было бы догадаться, что именно эта женщина является помощником полководца укреплённого города Юэчжун.

Однако в мягких, лёгких и грациозных движениях таился своеобразный ураган, не терпящий

пренебрежения. Подобные манеры не только выработались с годами, но и передавались по наследству всему роду знаменитого генерала Вэй.

— Что думаешь? — донёсся приглушённый ветром голос Вэй Цюнян.

— А? — Цянь Линь, который бросался от одной мысли к другой, вздрогнул. — Я... я не думаю...

— Насчёт слов министра и предстоящего путешествия князя Мина, что думаешь?

От услышанного вопроса колотящееся сердце мужчины худо-бедно, но всё же немного успокоилось. Оказалось, вот о чём речь.

Цянь Линь, немного поразмыслив, ответил:

— Господин министр хочет, чтобы князь Мин посетил разные страны, три поставленные задачи действительно крайне значимые, но я думаю... — он в нерешительности остановился.

Вэй Цюнян с нетерпением проговорила:

— Если есть что сказать, говорите, я больше всего ненавижу мямлей.

— Слушаюсь. — И мужчина со смелостью начал: — Это дело, конечно, очень рискованное для князя Мина, господин министр кое-чего не учёл. Из этих трёх задач князю Мину лишь третья задача в новинку. Однако с точки зрения выгоды не третья, а, наоборот, первая и вторая крайне важны. Собрать древние книги и талантливых людей, а также огласить всем указ о «Равной милости» может сделать кто угодно, не обязательно князю Мину так рисковать. Видите ли, если кого-нибудь другого постигнет плохая судьба — это неважно, но если с князем Мином случится несчастье, государь наверняка сойдёт с ума.

Вэй Цюнян по-прежнему, не изменяя шага, шла вдоль улицы, говоря:

— Ты считаешь, что третья задача — пустяк?

Цянь Линь уже хотел было сказать «верно», но потом всё же посчитал такой ответ неподобающим. Тон Вэй Цюнян ясно давал понять, что у него, генерала Силэй, ошибочное мнение.

Женщина вновь прервала молчание:

— Ваш министр решил толкнуть князя Мина на риск, поскольку хочет, чтобы князь Мин по настоящему столкнулся с опасностью.

Цянь Линь обомлел.

И ради этих трёх дел князь Мин вынужден рисковать?! Когда это риск стал целью? Риск — это всего лишь риск, и чем опаснее задание, тем лучше?!

Вэй Цюнян не нужно было поворачиваться, она и без того знала, что идущий сзади мужчина наверняка озадачен, потому помощник полководца всё тем же холодным тоном сказала:

— Князь Мин из Силэй является «мягким ребром»[11] императора Силэй. И чтобы справиться с императором Силэй, прежде всего нужно уничтожить князя Мина. Таково мнение императоров всех стран. Вот почему князь Мин постоянно подвергается опасности и нападкам со стороны неприятеля. Ваш министр сделал так, чтобы «мягкое ребро» вашего императора больше не являлось таковым.

— Чтобы больше не являлось таковым? — пробормотал Цянь Линь, внезапно его глаза просветлели, как будто какая-то мысль озарила разум, однако сам генерал не в силах был выразить её словами.

— Это словно рана, если её постоянно прикрывать, то она просто загноится и состояние ухудшится. Позволить ей вскрыться и подсохнуть под лучами солнца, да ещё терпя боль, дать горькое, но сильнодействующее лекарство, заставить её зарубцеваться и превратиться в грубую мозоль, которая, словно кокон, будет стойко защищать тело, в отличие от обычной нежной кожи. — Вэй Цюнян остановилась и обернулась: — Это как два войска, что стоят в боевой позиции, если в них окажется небольшой изъян, то наверняка враг отыщет его и нанесёт по нему удар, атакуя. Не нужно постоянно думать, как скрыть уязвимое место, стоит подумать, как использовать эту слабость перед тем, как враг нападёт, дезориентировать противника, а, использовав всевозможные стратегии, позволить слабости превратиться в преимущество, и вот тогда сделать так, чтобы противник ужаснулся, и разбить его, застигнув врасплох.

Цянь Линь, став учеником Вэй Цюнян, причём с лёгкой руки Ле Чжунлю, конечно же, чтобы ещё больше развить навыки, внимательно вслушивался, и в голове тотчас мысли начали стремительно вращаться, глаза заблестели, а сам мужчина проговорил, словно пережевывая каждое слово:

— Не нужно постоянно думать, как скрыть уязвимое место, а использовать его, дезориентируя противника...

— Во время сражений нет ни слабого, ни сильного, так как и слабый может набраться смелости и растерзать противника, не мешкая. — Вэй Цюнян прекратила наставления и, посмотрев на ученика, закричала, давая волю гневу: — Запомни, это и есть военное правило семьи Вэй!

А Жун Тянь тем временем вместе со свитой вернулся в резиденцию главнокомандующего, Ле-эр, получив важное задание — наладить отношения с императором Юньинь — спешно

возвратился к себе в комнату, чтобы подготовиться к завтрашнему отъезду.

Получив приказ следовать за Жун Тянем, Цзы Янь немедленно приступил к его выполнению и не отходил от императора Силэй ни на шаг.

Обязанностью Жун Ху было урегулирование семейного наследства, полученное князем Мином от господина Сяо, а также ему следовало поговорить с князем, потому верный телохранитель отправился вслед за Жун Тянем, который так удачно утянул любимого феникса во временные покои.

Цю Син и другие служанки не смели отставать и тоже проследовали за господами. В итоге семь человек оказались в комнате, Фэн Мин махнул рукой и все тотчас же заняли свои места, тайком поглядывая на сидящего в центре Жун Тяня.

— Не сердись. — Вытянув руку, князь накрыл ладонь любимого императора Силэй.

Жун Тянь уже пообещал, согласившись, однако от осознания, что любимый феникс может искушать судьбу, стало тяжело на сердце, словно кошки заскребли, поэтому, делано улыбнувшись, молодой мужчина ответил князю:

— Я вовсе не злюсь. Я понимаю, тебе действительно хочется хоть раз отправиться в путешествие.

Рука Фэн Мина, лежащая сейчас в его императорских руках, была тёплой и нежной. Жун Тянь поначалу сжал её, а потом, разжав ладонь, пристально посмотрел. Белые пальцы, длинные и такие красивые, словно нефритовые, были без какого-либо изъяна или царапинки.

Чем больше смотрел на этого стоящего перед глазами молодого человека, тем красивее и соблазнительнее тот становился, более того, у императора Силэй сердце уже начинало болеть, стоило любимому фениксу попасть под дождь, поэтому как он мог позволить князю пойти на такую авантюру, где его поджидали непредсказуемые опасности?!

Сейчас больше всего хотелось немедленно найти Ле Чжунлю и расторгнуть договор, но как назло этого нельзя было делать...

Все присутствующие, видя, как смотрят друг на друга Жун Тянь и Фэн Мин, понимали, что государю тяжело на сердце.

Как после такого обмена нежностями государь завтра отправится в путь?!

— Государь, — очень смело отозвался Жун Ху, — раз уж князь Мин собирается ехать, стоит ли нам сначала немного подготовиться к предстоящей поездке?

Цзы Янь так же, только с нерешительностью, стал уговаривать:

— Государю тоже нужно отправляться в Чжаобэй...

— Этот император в любое время может отправиться туда, и особых приготовления не нужно, — напомнил им Жун Тянь, и, обернувшись, приглушённо добавил: — Однако Фэн Мин, раз уж собрался ехать, то всё надо подготовить. Цю Лань, Цю Юэ и Цю Син, будете сопровождать князя, обязательно с особой тщательностью[12] заботьтесь о самом необходимом для князя — пище и одежде.

На что Цю Лань тотчас же встала и ответила за всех трёх служанок:

— Ваши служанки повинуются. Все дела князя Мина мы будем собственноручно выполнять и не позволим никому постороннему приближаться как к князю Мину, так и к его вещам.

— Что же касается охраны...

— Господин министр хочет, чтобы я распорядился имуществом князя Мина, куда бы Его Светлость не направился, это также необходимо и во время путешествия по странам, — проговорил Жун Ху. — Если уж на то пошло, я тогда составлю компанию князю Мину, с одной стороны как телохранитель, а с другой — как ответственный за имущество князя.

Император Силэй кивнул и вновь приказал:

— Немедленно отправь письмо, чтобы отозвать Ло Дэня, отвечающего за корабли семейства Сяо, пусть пришвартует корабли к ближайшей пристани реки Оман, сверх того, у семейства Сяо есть лучшие воины, которые всегда специально отправляются в путешествие для охраны богатых купцов, прикажи им бросить все дела и как можно скорее взойти на борт, чтобы сопровождать Фэн Мина в качестве дополнительной охраны, — Жун Тянь тяжело вздохнул. — Разве министр не говорил, что нужно развернуть знамёна и ударить в барабаны, отправившись с пышной свитой? Прикажи отправляться в путь, вниз по течению будет река Дахэ[13], пересядьте на самый великолепный корабль Сяо Цзуна, а спереди нужно разместить несколько десятков больших кораблей-охранников, когда закончится река Дахэ, перед тем, как высадиться на берег, прикажи обязательно подать большой конный экипаж. Деньги ничего не значат, главное — роскошный вид и соблюдение манер, как подобает князю.

Фэн Мин изначально был равнодушен к деньгам, заметив, что скорбное выражение лица Жун Тяня постепенно исчезает, князь уже начал планировать, как отправиться в путешествие, к тому же услышав про большой корабль и конный экипаж, что звучало крайне интересно, Фэн Мин невольно с воодушевлением подмигнул.

Посмотрев на любимого феникса, Жун Тянь вновь обеспокоился, но, в то же время, душу охватила злость, однако сам император Силэй, наоборот, всё же объяснил:

— Чем роскошнее вид, тем больше стран обратят внимание. С твоим положением если пробраться тайком в чужую страну и быть схваченным, наоборот, легко можешь подвергнуть себя опасности и интригам со стороны других персон, лучше уж благородно и открыто отправляться в путь, раскрыв флаг молодого господина из рода Сяо. Надеюсь, зная всех государств, оценив значимость господина Сяо, по крайней мере, никоим образом не тронет и не станет удерживать тебя на своей территории. На мой взгляд, ополчения огромного войска против тебя быть не должно.

Фэн Мин, с особой серьёзностью слушая, что ему говорят, послушно кивал.

Жун Тянь мыслил так же, как и Ле Чжунлю. Именно в эту минуту проявилась самоуверенность князя, потому что кроме вражеского государства, такого как Ли, простые страны не посмеют поставить, его, Фэн Мина, в невыгодное положение. Ведь кто осмелится взвалить на спину обвинение в убийстве князя Мина из Силэй?!

Если Фэн Мина настигнет смерть в чужих землях, разве тогда виновный тотчас же не подарит собственную голову острию меча, встретившись с лишившимся своего возлюбленного, но в то же время разгневанным Жун Тянем, а также с мастером в искусстве владения мечом Сяо Цзуном и вдобавок со страшной до ужаса убийцей — госпожой Яое?

Увидев очаровательную неловкость на лице князя, который кивал, правда не совсем понимая смысл сказанного, Жун Тянь улыбнулся и, поглаживая по нежной щеке, дал наставления:

— Не думай, что у этой знати есть что-то, чего следует избегать, потому можешь успокоиться. Проявишь несостоятельность, тотчас же получишь удар из-за угла. Теперь, когда ты покидаешь Юэчжун, пообещай мне кое-что: куда бы ты ни отправился, всегда держи при себе нескольких лучших телохранителей, не проявляй любопытства, иначе тебя одурачат, как глупца, и словно крольчонка продадут неизвестно кому и куда.

Сев на рядом стоящий стул, Фэн Мин очень охотно позволил императору Силэй гладить молодое личико Своей Светлости, со смехом говоря:

— Я ведь не так глуп, тебе не стоит слишком сильно меня недооценивать. На этот раз, отправляясь в путешествие, я позволю тебе хорошенько узнать об умениях этого князя Мина из Силэй.

Сказав это, Фэн Мин легко рассмеялся, однако после грустно вздохнул и в тот же момент замолк. Все присутствующие, словно оправив полы одежды, чинно сидели[14], сейчас почувствовали лёгкое облегчение.

Цзы Янь проговорил:

— Государь, не волнуйтесь, господин министр не из тех людей, что рубят с плеча, раз уж он осмелился позволить князю Мину таким образом посетить разные страны, то наверняка ломал

голову очень долго, и как только почувствовал уверенность, начал действовать.

Ле-эр также добавил:

— Под двумя большими флагами — императора Силэй и господина Сяо — да ещё под защитой моего старшего брата и в окружении людей Сяо Цзуна, князя Мина никто не осмелится тронуть, государю не о чем волноваться. Когда я улажу дела в Юньинь, тоже сразу же присоединюсь к князю Мину, а за время путешествия по странам пристрастимся разгуливать по улицам с кичливым видом.

Фэн Мин тотчас очень обрадовался:

— Ле-эр, скорее возвращайся, с тобой путешествие наверняка будет ещё интереснее. — Стоило словам князя стихнуть, как в головной башне внезапно раздались шаги, которые чем ближе становились, тем звонче звучали, неизвестно, чьи это были шаги, но, казалось, что под их тяжестью напольная плитка вот-вот треснет.

Множество людей, не сговариваясь, повернулись и взглянули на двери, резко ахнув.

По шагам было очевидно, что гость лишь один, однако вскоре перед дверью оказалось два силуэта, одинаково больших и высоких, словно башня или мачта, — слева и справа, как взявшиеся из ниоткуда мэнь-шэнь[15], как потом оказалось, это была забавная парочка — хозяин и слуга — Ле Чжунши и Ле Доу.

На правом плече у Ле Чжунши как раз дремала, свернувшись калачиком и размахивавшая хвостиком, Сяоцю. Грудь младшего брата Ле Чжунлю поистине была широкой, в два обхвата в сравнении с грудью обычного солдата, потому Сяоцю леглась в такое положение, в котором совершенно невозможно было упасть.

Цю Лань, переживавшая из-за того, что Ле Чжунши упал в обморок, при виде его первым делом с улыбкой спросила:

— Здоровяк, ты очнулся?

— Почему это он здоровяк? Я ростом разве не больше его? — недовольно отозвался Ле Доу.

На что Ле Чжунши дерзко посмотрел на него:

— Раз уж девчонка сказала, что я — здоровяк, то значит, я больше тебя.

— Чепуха, я здоровее тебя

— Где ты здоровее меня?

— Я везде здоровее тебя!

Увидев, что эта парочка, уже сверля друг друга злобным взглядом, вот-вот поссорится, все громко мысленно закричали: «Плохо дело!», более того, они пережили однажды их перебранку, которая могла длиться бесконечно, а от хаоса и громких голосов голова начинала болеть. Неужели нужно, чтобы Сяоцю снова до крови укусила Ле-эра, заставляя Ле Чжунши упасть в обморок?

Обдумав самый коварный замысел, Ле-эр сильно кашлянул и неторопливо проговорил:

— Вы, двое, прекратите шуметь, никому нет дела до вашего роста, но если говорить про мужественность, я считаю, что Ле Чжунши гораздо мужественнее.

На что Ле Доу изумился и, тут же махнув широким красным рукавом, вскрикнул:

— Ты, ты, ты... ты сказал, что он мужественнее меня?

— Конечно, — с полной серьёзностью ответил Ле-эр. — Женщины шумят, а мужчины молчат, всегда было так. И судя по словам, что вы наболтали здесь, ты наболтал сорок семь слов, а Ле Чжунши — лишь двадцать семь, получается, что ты на двадцать слов больше наболтал. Отсюда следует, ты в сравнении с ним женственнее, а он — мужественнее.

Ле Доу тут же остолбенел. Они с Ле Чжунши с детства любили пошуметь, пока кто-нибудь из них не одерживал победу, а что касается «женщины в сравнении с мужчинами шумят больше», то этот вопрос он вообще никогда не рассматривал.

Услышав, как Ле-эр восхваляет его, Ле Чжунши «распустил» улыбку и ответил, браня Ле Доу:

— Верно! Верно! Женщины шумят, а мужчины молчат, я мужественнее и это можно судить по словам. Ты не признаешь своего поражения? — он зауважал Ле-эра, так как тот оказался единственным, кто впервые в жизни понял Ле Чжунши.

— Ошибаешься, — с каменным лицом проговорил Ле-эр. — Поначалу ты был мужественнее, но стоило открыть тебе рот и произнести фразу, в которой аж сорок слов, теперь посчитай: к сорока прибавить двадцать семь и того шестьдесят семь слов, а у Ле Доу сорок семь слов, получается, что у тебя на двадцать слов стало больше, таким образом Ле Доу мужественнее тебя.

Ле Доу обрадовался, и, земли под собой не чувствуя от бахвальства, уже хотел было разомкнуть губы, как вдруг вспомнил правило «от количества слов зависит мужественность» и сразу же закрыл рот, глупо улыбаясь.

— Если снова зашумите, то и впрямь превратитесь в женщин. Запомните это, — не спеша сделав предупреждение, Ле-эр повернулся к Фэн Мину и ехидно высунул язык. Одно его слово, и Ле Чжунши вместе с Ле Доу действительно больше не осмелились говорить.

Все тайком улыбались, ведь эти двое и впрямь глупы до очарования.

Немного отсмеявшись, Фэн Мин вспомнил ещё об одном деле и спросил:

— Да, кстати, а вы зачем сюда пришли? Неужели господин министр искал нас?

Ле Чжунши, кивнув, уже собрался ответить, но, побоявшись, что его назовут шумной женщиной, указал пальцем на рот и вновь что есть мочи замотал головой.

Цю Юэ, прикрывая ладошкой рот, сказала со смехом:

— Какая досада, когда надо молчать, как назло говорят, а как надо сказать, наоборот, не хотят говорить. Ле-эр, это всё ты виноват.

— Ничего страшного, если нельзя говорить, то можно написать. — Цю Син поднялась и, взяв кисть и тушь, разложила на столе, после чего обратилась к Ле Чжунши: — Напиши, что сказал господин министр.

Ле Чжунши, если бы не Ле Доу, всегда и везде был благонаправленным и послушным, увидев, что Цю Син хочет, чтобы он написал, он действительно покорно подошёл и, взяв кисть, тотчас же выполнил её просьбу.

Все уже хотели подойти посмотреть, что же он написал, но увидели, как Цю Юэ рассмеялась:

— О, Небеса, эти двое хотят последовать за князем Мином в путешествие, на этот раз будет оживлённее.

Ле Чжунши изо всех сил закивал, как бы говоря «ты угадала».

Ле Чжунлю приказал этой парочке пойти и взять да напроситься с Фэн Мином в кругосветное путешествие.

Жун Тянь, в свою очередь, понимал, что эта шумная парочка неотёсанных парней хоть казалась глупой и могла устроить хаос, однако они знали, как воспользоваться подземным ходом, обманув отборную императорскую стражу и заставив их вертеться волчком, к тому же смогли бесшумно устранить два небольших отряда солдат, а также тихо захватить резиденцию помощника полководца. На самом деле они всё же были несколько способными, потому, увидев, что к Фэн Мину добавились ещё два каких-никаких, но «мастера боевых искусств»,

император Силэй немного успокоился.

Ле-эр, понимая его намерения, улыбнулся:

— Господин министр даже своего родного младшего брата послал, наверняка, он всеми силами постарается сохранить князя Мина. Но теперь-то государь может успокоиться?

Услышав слова телохранителя, Ле Чжунши, послушно дописав половину, резко кивнул, да ещё изо всей мочи ударил себя в грудь с выражением «если там буду я, то бояться не стоит». На что стоящий в стороне Ле Доу пренебрежительно фыркнул.

А Цю Лань тотчас же проговорила:

— К тому же ещё Ле Доу защитит князя Мина, что ещё более надёжно. Всё будет в полном порядке.

Ле Доу внезапно разулыбался. Фэн Мин очень обрадовался этим двум рослым парням, а зная, что Ле Чжунлю специально их отправляет с ним в дорогу, радостно неоднократно закивал:

— Теперь в самом деле станет увлекательно!

— Так значит, Сяоцю что, тоже поедет? — на что зверёк странно насторожился. Услышав, как кто-то зовёт, Сяоцю пискнула и, мгновенно поднявшись на плече Ле Чжунши, замотала головкой по сторонам, однако, когда взгляд зверька остановился на Цю Юэ, животное стало бить хвостом.

Цю Син восторженно вскрикнула:

— Ой, Цю Юэ, она поняла, что это ты её позвала!

На что Цю Юэ ещё больше удивилась и ласково проговорила:

— Сяоцю, Сяоцю, скорей иди сюда, старшая сестрица тебя покормит фруктами.

Замотав хвостом, Сяоцю склонила головку и посмотрела на девушку, но не двинулась с места, чем очень огорчила Цю Юэ.

Но Цю Син с очаровательной наивностью стала уговаривать близняшку:

— Ничего страшного, мы все вместе отправимся в путь, потерпи, позволь ей привыкнуть к нам, и тогда вы легко поладите. — Только после слов сестры Цю Юэ обрадовалась.

Теперь к компании Фэн Мина добавилось ещё два человека и одна «куница», кажется, путешествие станет ещё оживлённее.

Множество людей разговаривали и смеялись, однако вскоре атмосфера изменилась, став мрачной и тревожной, а все из-за того, что князя Мина ждали опасности в предстоящем будущем.

Цю Лань, подняв голову и взглянув на небо, испуганно пролепетала:

— Плохо дело! Слово за слово, неожиданно забыли пообедать.

Все подняли головы — действительно, время обеда прошло. Внезапно донёсся какой-то хлопок. Оказалось, это Ле Чжунши ударил рукой по животу и изо всех сил стал указывать пальцем на рот. Из-за розыгрыша Ле-эра, парень, не желая становиться женщиной, не посмел вымолвить ни единого слова.

На что Цю Лань понимающе спросила:

— Ты тоже голоден?

Ле Чжунши тотчас же поспешно закивал. Стоящий в стороне Ле Доу тоже кивнул, как бы говоря, что также проголодался.

— Пойдёмте со мной вместе готовить обед, хорошо? — терпеливо, словно шумным детям, сказала Цю Лань. — Когда приготовлю еду, вы можете отведать её раньше других.

Парни крайне обрадовались и тут же единодушно закивали.

Примечания:

[1] Обр.: полёт мысли, богатство воображения, неумная фантазия; фантазировать.

[2] В оригинале фраза звучит как «будто омытый весенним ветром», обр.: подобный глотку свежего воздуха, доставляющий истинное наслаждение.

[3] Обр. в знач.: быть прозорливым, дальновидным.

[4] 1939–1945 гг.

[5] Обр.: невидимая глазу опасная ситуация.

[6] Это отсылка к Чэнь Шэну (?–208 гг. до н.э., предводитель первого в череде восстаний, приведших к падению империи Цинь, также известен как Чэнь Шэ).

[7] «Игла, спрятанная в шелковых оческах», обр. в знач.: держать камень за пазухой; мягко

стелет, да жестко спать; на устах мёд, а на сердце лёд; с подвохом.

[8] Обр. в знач.: попасть в самую точку, не в бровь, а в глаз.

[9] Обр. в знач.: смутное, тревожное время: время кризисов и затруднений, обострение положения.

[10] Покатые плечи издавна считались признаком женственности.

[11] Ахиллесовой пятой.

[12] В оригинале фраза звучит как «отдавать все духовные и физические силы».

[13] Кит. «Великая река».

[14] Обр. в знач.: 1) принять скромный вид, сидеть с серьезным видом 2) сохранять достоинство.

[15] Боги-хранители входа — изображения двух божеств, по одному на каждой створке ворот; по суеверию они охраняют дом от нечистой силы и всякого зла.

<http://bllate.org/book/13377/1190208>